

Сергей Зверев

**ЭТОМУ
В ШКОЛЕ
НЕ УЧАТ**

*Москва
2019*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Этому в школе не учат / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-100191-9

Первые месяцы войны. Красная Армия с трудом сдерживает фашистскую армаду, рвущуюся на восток. Мародеры и диверсанты сеют панику уже в самой столице. Бойцы СМЕРШа работают на пределе сил. В их числе бывший учитель, а теперь оперативный сотрудник Сергей Лукьянов. Привыкший воевать еще с Гражданской, он все время рвется на фронт. Но на передовой его ждет серьезное испытание. В ходе одной из операций Лукьянов сталкивается со своим бывшим учеником, ставшим к тому времени безжалостным карателем и немецким агентом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100191-9

© Зверев С.И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКОВСКАЯ ОСЕНЬ

ГЛАВА 1

Сколько раз он убегал от нее, костлявой. И вот смерть опять стояла за спиной. А мысли метались в черепной коробке, как шарик пинг-понга, в поисках выхода.

Какой черт, спрашивается, приволок его в Минск? Думал, пробежится по старым знакомым, найдет родню. И схоронится до лучших времен, пока враги не устанут его искать. Вот только родственников найти не удалось. А кореша, которые клялись ему в верности... Ну что же, верность — она ведь как — до гроба. Вот кто-то из них и решил его в этот гроб загнать. И повязал его с утречка прямо на «малине» уголовный розыск — сонного и ничего не понимающего. А он даже за револьвер не успел схватиться. Да и хорошо, что не успел. Легавые злые были — по ним заметно, что ни секунды не думая, пустили бы его в расход, только повода ждали.

И вот следственная тюрьма на окраине Минска — старинная, напоминавшая средневековый замок. И с такими толстыми стенами, что никакие тараны и артиллерия не пробьют.

В камеру на двенадцать человек с высокими потолками и одновременно спертым воздухом, пронизанным тюремными запахами, Курган «заезжал» с опа-

ской. За ним топор ходил — его воры на сходняке к смерти приговорили. В России в тюрьме могли за просто заточкой проткнуть, а при неимении оной ночью придушить подушкой. Но тут расклады другие. В камерах верховодили не закаленные в ГУЛАГе тертые воры в законе, а разношерстный уголовный элемент из Польши, Белоруссии и Украины. И особенно из Львова — это такой Ростов-Папа этих земель. И у них тут расклады свои.

Сокамерники начали было Кургана пробовать на прочность. Ему пришлось себя обозначить:

— Кровь у меня воровская, а что не ваш — так не выщипте. Но за свое право глотки выгрызу.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, но его выручил Старый Амадей.

— А ну цыц! Раздухарились тут. Видно же, что наш человек.

Ну, наш так наш. Возражающих не было.

И потянулись тягостные тюремные месяцы.

Курган с его талантом втираться в доверие довольно близко сошелся со Старым Амадеем. Сперва, правда, думал, тот подсадной. Да только о делах они не говорили — так, все больше за жизнь да за свободу.

Сам Амадей все же проболтался однажды:

— Интересно товарищам следователям, кто я да откуда и как додумался вскрыть сейф с деньгами районной заготовительной конторы. Только ничего им не узнать. Для полицейского управления Варшавы, конечно, медвежатник по кличке Абрам — это фигура значительная...

— Почему Абрам? — не понял Курган.

— А как же еще, если мой папаша — сапожник из самого еврейского варшавского района? Но только Варшава ныне под немцами, и комиссарам туда хода нет...

Конвой за Курганом не высылали. Допросили его сотрудники угрозыска два раза, продемонстрировав, что знают все его имена и кликухи. Попытались примерить к нему несколько разбоев, но он стоял стойко на своем — не мое. И пока что от него отстали.

А 22 июня началась война.

Тюремная администрация настоятельно советовала следственно-арестованным не беспокоиться — немца скоро отбросят от границ, и все будет, как раньше. И народный суд всему антиобщественному элементу воздаст по заслугам. Только доходили слухи, что советские войска уже не отступали, а бежали. Вроде бы пал Вильнюс, и немцы стремительно надвигаются на Минск.

Старый Амадей становился с каждым часом все мрачнее.

— Что пригорюнился? — спросил его Курган. — Под панамы жил. Под Советами жил. И под немцами проживешь.

— А ты слышал, что они с евреями делают?

— Что?

— Еврей для немца — хуже вши для солдата. Гетто и расстрел...

То, что дела на фронте совсем плохи, стало ясно, когда из тюрьмы в авральном порядке вывезли политических. Да еще прошел слух, что уголовников эвакуировать не успевают, поэтому их просто поставят к стенке. И Курган в это верил. Ждал, холодея, что скажут им однажды: «Стройся». И положат из пулемета.

Дни шелкали быстро — их нес бурный поток событий. Война теперь звучала в отдалении грохотом орудий. И этот грохот приближался.

Однажды в тюрьме стало совсем тихо. Стало понятно, что заключенных бросили. Больше никто не приносил еду и питье. Но камеры оставались закрытыми.

28 июня пришли немцы. Буднично так. Для них порядок — это святое. Поэтому воду и еду они заключенным раздали, как положено. И следующим вечером выстроили в тюремном дворе.

Перед строем чинно прогуливался новый комендант тюрьмы, а по совместительству царь и бог для всех ее постояльцев. Этот долговязый человек с тонкими руками и ногами, в идеально подогнанной и выглаженной как на парад серой форме с витыми серебряными погонами, напоминал болотную цаплю. К его длинному носу намертво прилипли круглые очки.

Его короткую, но емкую речь толстенький переводчик в серой мешковатой форме переводил тонким противным голосом на белорусский и русский языки. Притом его русский был с легким, но царапающим слух акцентом.

Со слов коменданта, гнусная сущность СССР во все не примиряет немцев с отбросами его общества и преступниками. Если Советы испытывают к такому чувству, сходное с единением, то в Германии царит закон и порядок, а нарушители караются по заслугам. А ничего, кроме казни, бандиты и воры не заслуживают. Единственно, что может их спасти — это духовное преображение под сенью великого рейха. В общем, кто хочет в новую жизнь, должен зарекомендовать себя. Например, донести на политруков, жидов и большевиков.

Для убедительности немцы тут же в тюремном дворе расстреляли пару человек как пособников коммунистов.

Кургана сдавила жуткая мысль, что вот так запросто, без суда и следствия, могут пустить в расход и его. А на земле нет ничего более дорогого, чем собственная шкура.

И ее надо спасать!

ГЛАВА 2

— А нам все одно помирать! Ни немец не пожалеет, ни наш начальник! — кричал невысокий худощавый парень с острыми несерьезными усиками.

Под его мятым пиджаком — гимнастерка. Щеки тщательно выбриты. Он тяжело опирался на массивную палку и кривился от боли, если вдруг переносил вес на правую ногу.

Около магазина «Бакалея» в Пушкинском переулке хромой парень собрал вокруг себя приличную толпу. И она возбужденно гудела — сочувствующе или протестующе.

Много лет я ходил этим маршрутом по моим московским, узким, по-домашнему уютным сretenским переулкам с вычурными дореволюционными домами, живописными двориками с колоритными обитателями. И в один день, 22 июня 1941 года, мой город стал иным. Здесь все так же ходили люди, мели улицы дворники, у кинотеатра «Уран» толпилась публика. Но на всех нас легла разлапистая уродливая тень войны.

В июле была первая бомбежка Москвы, и в небе повисли аэростаты противовоздушной обороны. На крышах дежурили добровольцы, туша падающие с фашистских самолетов зажигалки. Город поблек и потускнел, когда золотые купола храмов замазали черной краской, чтобы они не служили ориентиром для немецких пилотов. На улицах стало много военных. А в военкоматы стояли длинные очереди. Появились карточки на хлеб и крупу. Сначала будто нехотя, медленно, но все быстрее и быстрее город переходил на военные рельсы.

С давних времен неизменный признак войны в России — из магазинов сметают спички, мыло, керосин. А покупатели в тщетном ожидании товара толкуются у бакалейных магазинов в очередях по сто чело-

век. Вот и у нашего бакалейного — постоянно толпа. Люди там обсуждают положение на фронтах, горячатся. Эти очереди стали своеобразным клубом, где можно унять свои страхи, набраться друг у друга уверенности в завтрашнем дне или вместе со всеми погрузиться в отчаяние.

Я остановился, вслушиваясь в спор, который заходил вообще не в ту степь.

— Наш человек так, пыль под ногами! — кричал хромой. — Солдатика или танк немецкий задавит, или комиссар в спину стрельнет за то, что тот погибать не хочет. Фронт — это верная погибель. И здесь погибель! Немец придет — нас жалеть не будет. Бежать надо!

— Да куда бежать? — слышались встревоженные голоса. — А квартира? А работа?

— Вот и будет тебе работа на Адольфа!

— Да уж лучше под Адольфом, чем с голоду сдохнуть или на фронте! — послышался из толпы звонкий мужской голос.

Ропот рос. Народ волновался.

— Тогда судьбинушку свою принять, — кивнул хромой. — Голову склонить. И ждать, когда Кремль с Берлином разберутся, кто из них важнее.

А люди стоят, уши развесили, внимают! Ну а что — война выводит психику людей из состояния равновесия. Страсти и чувства зашкаливают. Одни одержимы сладостно-мазохистским интересом к эпохальным событиям, других парализует ужас. Третьи бьются в слабоумном задоре — мол, одним махом семерых побивахом. Но у большинства на душе огромная тяжесть и осознание, что груз войны нести им — простому народу.

Эмоции на таких «митингах» вспыхивают легко, как сухой валежник. И я сам не исключение. Когда хромой начал талдычить о Кремле, для которого народ пушечное мясо, тут на меня нахлынула ярость.

Это наша народная власть во главе с товарищем Сталиным у него просто Кремль?! А тогда в Кремле что сегодня коммунисты, что вчера цари — одно и то же? Вот же подлая морда!

— Это что же ты, прихвостень фашистский, сдать нам предлагаешь? — выступил я вперед.

Хромой оглядел меня маленькими и злыми глазенками с ног до головы:

— Проходи, дядя, если неинтересно.

— Человек с фронта, — послышалось из толпы. — Раненый. Увечный навсегда.

— Ах, раненый! И призываешь под фашиста лечь? Тебя в голову ранили, а не в ногу, потрох сучий! — Страшная усталость, перемешанная с яростью, заварили в моей крови взрывной коктейль. И я шагнул вперед.

Хромой отпрянул и заорал:

— Вот, народ, наши начальнички-то! С портфелем! В галстук!

Портфель у меня и правда был — обычно он набит тетрадами учеников, а сейчас разными документами. И одет я тоже аккуратно — в костюм и галстук. Школьный учитель всегда обязан являть собой образец опрятности и хорошего вкуса. Ну да, по виду чистый начальник.

— Чем больше народа русского в окопах танк германский гусеницами закопает, тем ему лучше! — не унимался хромой.

Тут черти меня толкнули — и ударил я его со всей дури. В последний момент чуть придержал удар, чтобы не прибить ненароком — рука у меня сильно тяжелая.

Хромой оказался верток и почти успел увернуться — вскользь ему прилетело. Но все равно хватило — отлетел шага на три и плюхнулся на мостовую. Головой трясет, пытается резкость в глазах вернуть.

И тут галдеж, крики:

— Убивают! Милиция!

Ну как обычно в таких случаях — ничего нового.

Шагнул я к поверженному противнику. Самообладание вернулось, и теперь я понимал, что негодяя нужно скрутить и сдать на руки ближайшему милиционеру или военному патрулю.

И тут на меня будто холодом повеяло. Краем глаза засек сбоку движение. Еще не понял, что происходит, но уже резко ступил на шаг вперед.

Почти успел... И тут в боку взорвалась страшная боль.

— Бежим! — послышался мужской голос. — Этого краснопузого я уложил!

Я осел на асфальт, шипя от боли. Хотя в тот момент не в ней было главное. Хуже всего, что я не задержал хромого.

Зазвучал в ушах отчаянный женский крик:

— Зарезали!!!

ГЛАВА 3

Подавленное состояние было в камере у всех.

— Выпустят. Мы им понадобится, — убеждал сам себя Велислав — карманник из Бердичева.

— Ты понадобишься? — усмехался Старый Амадей. — Им не щипачи, а автоматчики нужны.

— Ну, так освою. Автомат не сложнее чужого кармана будет.

— Нет, братцы, — как-то обреченно сказал Курган. — Мы им не нужны. Им нужен их проклятый порядок. И они нас положат...

В подтверждение его слов во дворе послышались крики и прозвучала автоматная очередь.

«Моя пуля... Когда будет моя пуля?» — вращалось в голове Кургана.

Немцы пугали его до дрожи в коленках и пустоты в животе. Страшно было, как никогда ранее. Немецкая жестокая, нечеловеческая система порядка — куда до нее советскому ГУЛАГу, тоже не шибко доброму порой! У немца все механически, а с машиной не договоришься.

— Мои последние дни, — прошептал ему Старый Амадей.

— Да ты чего говоришь-то?!

— Чую, не выкарабкаюсь. Они же сказали — жида и большевики под откос.

— А кто знает, что ты из евреев?

— Они узнают. Продаст кто-нибудь. Свою жалкую жизнь выкупая.

— Да не бойся. Ты и не такое, наверное, в жизни переживал.

— Переживал и пережил. А тут не переживу. — И старый вор-медвежатник, специалист по сейфам и железным ящикам, как-то внимательно, будто пытаясь просверлить насквозь, посмотрел на Кургана.

— Не бойся. Главное, не наделать глупостей, — беззаботно бросил Курган.

Полночи он не спал. Тревожно и напряженно думал, просчитывая свои перспективы. Надо что-то предпринимать. Если бы он по жизни расслаблялся, то и самой жизни у него уже не было бы. Но в нужный момент он всегда совершал нужный поступок. Вот и сейчас — дело осталось за поступком.

Под утро он заколотил в дверь камеры, требуя коменданта. Сокамерники с подозрением и изумлением смотрели на него.

— Ты что делаешь, пес?! — воскликнул Амадей, которого обожгла неожиданная догадка.

— Надо. Очень надо! — пробормотал, как пьяный, Курган.

И опять заколотил ладонью по двери.

— Что стучишь? — спросили на русском языке — немцы уже подобрали себе местных во внутреннюю охрану.

— Мне к коменданту! К коменданту давай!

Засов с лязгом отошел. У двери стояли двое дюжих охранников, у одного из них был автомат. При большевиках внутренней охране запрещалось ходить с оружием. Но у германца правила другие — если что не по ним, сразу стреляют.

— Выходи! — крикнул охранник. — Упаси тебя бог, если зря побеспокоил!

Отдельный кабинет раньше принадлежал начальнику тюрьмы. Там чопорный комендант, тот самый, похожий на цаплю, глянул на посетителя через свои круглые очки, как на насекомое — что, мол, нужно этой жужжащей мухе, и не стоит ли ее прихлопнуть?

— Я могу показать еврея, разыскиваемого в Варшаве и сочувствующего коммунистам.

Пухленький переводчик быстро заголосоил, переводя коменданту эту весть.

— И кто он? — спросил комендант.

— Кличка Старый Амадей. Сидит со мной в камере.

— Очень хорошо. Ты разумный человек.

— Только не отправляйте меня обратно. Меня там убьют.

— Посмотрим. Может, ты будешь полезен, и твоя судьба изменится к лучшему...

ГЛАВА 4

— Не по-партийному это, товарищ Лукьянов, — занудствовал инструктор нашего райкома партии и мой старый добрый знакомый Алексей Дудянский, по габаритам похожий на одесского биндюжника.

— Что не по-партийному? — удивился я.

— Сразу бить человека в лицо.

— Еще как по-партийному! — Я потянулся к чашке остывшего чая, стоявшей на тумбочке около моей больничной кровати. — Что, смотреть надо было, как он народ баламутит?!

— А отойти в сторону, найти представителей власти и передать его в их руки?

Как лекцию читал по теме «Личностные недостатки учителя и члена бюро райкома ВКП(б) Лукьянова». Дудянский человек отзывчивый, дикой работоспособности и преданности делу, но педант, нытик и зануда. И вечно чем-то недоволен.

— Надо, надо! — выпалил я и скривился от резкой боли в боку.

— Что, болит? — искренне заволновался Дудянский, подаваясь вперед и пытаясь помочь незнамо чем.

— Да болит, не болит — какая разница! Чего я тут лежу, спрашивается?! Врач говорит, что жизненно важные органы не задеты! Удачно меня порезали. Хотя боль была такая, что я рухнул, как сноп, но последствий никаких. Кто за меня работать будет? Нука, давай, жми авторитетом, чтобы меня отпустили!

— Это, товарищ Лукьянов, в компетенции врачей. И ты нам нужен живым, здоровым и активным. Что толку, если ты выйдешь и свалишься? Так что лежи.

Он откланялся. А я все не мог унять раздражение. И тем, что вынужден валяться здесь. И выговором, который сделал мне товарищ.

А ведь он кругом прав. Я должен долечиваться, чтобы потом всего себя отдать работе. И у магазина я сплоховал. Погорячился. В итоге провокатор сбежал. Хотя кто же знал, что его страховал сообщник в толпе? А ведь я должен был предположить. Тоже